

МУСУЛЬМАНЕ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ ОТ ЧИСЕЛ К ЗНАЧЕНИЯМ

ЕЛЕНА ПОНОМАРЁВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ЕЛЕНА АРЛЯПОВА

Институт системно-стратегического анализа, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена демографическим изменениям в мусульманских общинах Западных Балкан. Основой исследования стали материалы новейших (2021–2024 гг.) переписей населения, проведённых во всех странах и территориях региона, кроме Боснии и Герцеговины. По обновлённым данным, общее число мусульман изучаемого региона составляет треть от всего населения. При этом численность местных общин неуклонно сокращается. Восходящий тренд по количеству мусульман продемонстрировали только Северная Македония и Черногория. Сокращение исповедующих ислам в регионе происходит на фоне общей депопуляции Балкан. Особо активная потеря мусульманского населения пришлась на последнее десятилетие. Промежуточные итоги позволяют пересмотреть прогнозы относительно численности мусульман в изучаемых странах к 2050 г. со всеми потенциальными социальными, экономическими, культурными и политическими последствиями. На данном этапе они представляются чрезмерно оптимистичными. Параллельно с этим процессом в регионе идёт сокращение численности общин других ведущих конфессий, в частности христианской. Помимо демографических тенденций, исследование сфокусировано на проблеме современного (само)позиционирования балканского ислама в более широком европейском контексте. Проведённый анализ позволил уточнить рубежи «исламского ренессанса» на Западных Балканах. Неопределённость нынешнего статуса ранее «автохтонного» для Европы балканского ислама продиктована изменениями её собственной социально-демографической структуры в течение последнего десятилетия в ходе миграции и последующей интеграции большого числа мусульман с Ближнего Востока. С учётом этой трансформации выделены отличительные черты балканского ислама в сравнении с европейским: чёткая приверженность идее светского государства – это общественный консенсус во всех балканских социумах; устройство жизни местных религиозных общин (многие из них стали относительным или абсолютным религиозным большинством); ещё не забытый ныне живущими поколениями уникальный опыт масштабной и глубокой секуляризации; сравнительно высокий показатель «социологических мусульман» – по происхождению собственному или семьи, но не по регулярной религиозной практике.

Ключевые слова:

ислам на Западных Балканах; мусульмане на Балканах; численность мусульман; европейский ислам; евроислам; депопуляция; демография

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2025

Дата принятия к публикации: 02.03.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nastya304@mail.ru

В отличие от многих других регионов мира, Балканы исторически являлись и продолжают оставаться территорией, где религия сохраняет значимое общественное влияние. Согласно данным за 2018 год, около 60% опрошенных в регионе назвали себя религиозными людьми, а в Косове и Северной Македонии этот показатель достиг 80%¹. В континентальной Европе, например, доля определивших себя верующими осталась в пределах 30–40%², кроме Италии. Эксперты фиксируют «слабую секуляризацию общества и особую роль религии в этническом самосознании» всех балканских народов [Попадьева 2021: 63].

В процессе адаптации к изменчивой внешней среде и попыток интеграции в тот или иной общественно-политический контекст религиозная идентичность на Балканах претерпела значительные трансформации и приобрела ряд специфических особенностей. Например, в социалистической Югославии понятие «мусульманин» означало не религиозную, а этническую принадлежность. В анкетах переписи 1961 г. жители Боснии и Герцеговины (БиГ) писали: «вероисповедание — атеист, национальность — мусульманин». После переписи 1971 г. мусульмане стали синонимом народности, а затем и нации [Пономарёва, Арляпова 2024]. В 1981 г. 39,5 % (1,630 млн) населения республики определили себя «мусульманами» по национальности [Факты 1985]. В 1990-е годы, в условиях распада СФРЮ, понятие «мусульманин» в БиГ вер-

нуло себе первоначальное значение — характеристику принадлежности к исламу.

Интерес к роли ислама в балканских обществах и странах закономерен по ряду причин. *Во-первых*, мусульмане составляют значительную долю населения региона: на Западных Балканах эта доля достигает трети от общей численности жителей. *Во-вторых*, в многоконфессиональных обществах Балкан сохраняется выраженное социокультурное и политическое размежевание между православными, католическими и мусульманскими сообществами, что уже неоднократно становилось причиной масштабных открытых конфликтов. Наиболее трагическими и кровопролитными из них были события Второй мировой войны, а также войны на Балканах в 1990-е годы.

В-третьих, на Балканах в качестве внешних сил присутствуют практически все ключевые игроки исламского мира. Религия активно используется ими как инструмент влияния: они выводят его на международный и межгосударственный уровень [Арляпова, Пономарёва 2024; Энтина, Синопальникова 2020; Корра 2021]. Необходимо также учитывать доминирование алармистских оценок относительно исламизации юго-востока Европы³. Новейшие данные⁴ позволяют уточнить рубежи и статистические контуры «исламского ренессанса» на Балканах и зафиксировать его специфические черты.

Конкретными кейсами исследования изменений исламского пространства в бал-

¹ *Bechev D., Öztürk A. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia and Iran in the Balkans // The Middle East Institute (MEI). 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (accessed: 19.02.2025).*

² *Ibid.*

³ *Теперь тут носят паранджу: как Балканы становятся новым центром исламизма // РИА Новости. 14.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170914/1504754255.html> (дата обращения: 22.04.2025).*

⁴ *Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pkweb/en/DST/> (accessed: 21.04.2025); Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions // Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation-languages-and-religions/> (accessed: 25.04.2025); The preliminary data of the Census of Population, Family Economies and Housing in Kosovo are published // Prime Minister Office. 12.07.2024. URL: <https://kryeministri.rks-gov.net/en/blog/the-preliminary-data-of-the-census-of-population-family-economies-and-housing-in-kosovo-are-published/> (accessed: 25.04.2025); Вкупно резидентно население, домаќинства и станови. Попис 2021 // Република Северна Македонија. Државен завод за статистика. 30.03.2022. URL: <https://popis2021.stat.gov.mk/#> (accessed: 23.04.2025); Становништво према вероисповести // Република Србија. Републички завод за статистику. 13.06.2023. URL: <https://>*

канском регионе стали страны, входящие в предложенную ЕС политико-региональную рамку «Западные Балканы». Речь идёт об Албании, Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии, Черногории и частично признанной Республике Косово.

Ключевой исследовательский вопрос статьи заключается в выявлении степени соответствия актуальных демографических тенденций в регионе устоявшимся представлениям о статусе и перспективах развития местных мусульманских общин, а также определения характера «балканского ислама» как автохтонной и интегрированной части европейского религиозного пространства в контексте масштабных изменений демографического, социокультурного и конфессионального ландшафтов Европы.

Исследование данного вопроса приобретает особую актуальность в условиях усиливающихся миграционных процессов, растущего религиозного многообразия и усиления дискуссий о границах европейской идентичности. На этом фоне «балканская модель» ислама, характеризующаяся исторической укоренённостью, институциональной структурированностью и устойчивым взаимодействием с принципами светского государства, рассматривается не только в контексте локального анализа, но и как значимый ресурс для общеевропейской дискуссии о религиозной интеграции, межконфессиональном сосуществовании и управлении культурным многообразием.

Основная цель работы состоит в комплексном анализе демографических изменений в мусульманских общинах Западных Балкан на основе данных переписей населения за период 2021–2024 годов, выявлении ключевых тенденций, интерпретации страновых особенностей и оценке данных изменений в региональном контексте. Дополнительной целью исследования является раскрытие особенностей «балканской модели» ислама, её специфических черт и поло-

жения в мировой и региональной умме, а также определение её релевантности как самостоятельного и устойчивого варианта современного европейского ислама.

Методологической базой исследования выступает количественная обработка и интерпретация официальных статистических данных переписей населения с акцентом на изменения численности и долевого состава мусульманских общин, диахронный и межстрановой сравнительный анализ. Последние позволили выявить долгосрочные демографические тренды, зафиксировать этапы трансформации регионального исламского пространства и на базе изучения примеров Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии, Черногории и Косова определить общие закономерности и уникальные национальные сценарии. Дополнительно на основе фактических данных последних лет осуществлён критический пересмотр существующих прогнозов численности балканских мусульман. Для интерпретации выявленных сдвигов использованы элементы контекстуального анализа, что дало возможность учёта влияния миграционных и иных процессов, а также практик Европейского союза в отношении западнобалканского региона в целом и составляющих его политий. Особое внимание в этом отношении уделено рассмотрению характеристик «балканской модели» ислама, которые могут служить полезным ориентиром для ЕС в условиях кризисных явлений в сферах, связанных с религией, а также способствовать гармонизации межрелигиозного взаимодействия.

Структура статьи обусловлена сформулированными исследовательскими задачами. Во введении представлено обоснование необходимости странового и сравнительного анализа демографических изменений в мусульманских общинах Западных Балкан. В первом разделе детально анализируется динамика численности мусульман в иссле-

Таблица 1
Общая численность населения и численность мусульман в странах Западных Балкан (2021–2024)

Страна/территория	Численность мусульман (чел.)	Процент от общей численности, %	Общая численность (чел.)
Сербия	278 212	4,2	6 647 003
Босния и Герцеговина	1 608 348	51	3 153 623
Албания	1 217 362	50,7	2 402 113
Северная Македония	590 870	32,2	1 836 713
Косово	1 475 593	93 ⁸	1 586 659
Черногория	124 668	19,99	633 158
Итого	5 295 053	32,6	16 259 269

Источник: данные переписей населения Албании, БиГ, Косово, Северной Македонии, Сербии и Черногории⁹.

двух странах. Второй раздел посвящён характеристике специфики «балканской модели» ислама. В заключении обобщаются результаты анализа и формулируются основные выводы исследования.

Динамика численности мусульман на Западных Балканах

Номинально единая югославская мусульманская община ненадолго пережила СФРЮ, вскоре разделившись на несколько национально-религиозных сообществ, представленных сегодня во всех государствах Западных Балкан. В Албании, Боснии и Герцеговине и частично признанном Косове мусульмане составляют большинство населения, причём в отдельных случаях – подавляющее. В Черногории и Север-

ной Македонии доля мусульманского населения значительна и достигает примерно трети от общей численности жителей. В Сербии они считаются этнорелигиозным меньшинством – чуть более 4%⁵.

Согласно уточнённым данным с учётом населения Боснии и Герцеговины⁶, на Западных Балканах проживает около 5,5 млн мусульман [Арляпова, Пономарёва 2024]. Это количество соответствует примерно одной трети от общей численности населения региона (16 259 269 человек⁷). Подробное распределение мусульманского населения по странам представлено в табл. 1.

При анализе представленных выше данных необходимо учитывать значительное количество респондентов, которые либо не

⁵ Mother Tongue, Religion and Ethnic Affiliation // Србија Попис 2022. 16.06.2023. URL: <https://popis2022.stat.gov.rs/en-us/5-vestisaopstenja/news-events/20230616-st/?a=0&s=0> (accessed: 02.03.2025).

⁶ Обработаны и представлены окончательные данные переписей, прошедших в 2021–2023 годах в Албании, Косове, Северной Македонии, Сербии и Черногории. Слабым звеном остаётся Босния и Герцеговина, подсчёты и выводы по которой во всех исследованиях и даже отчётах так или иначе опираются на устаревшие сведения из переписи 2013 года.

⁷ При подсчётах по Боснии и Герцеговине взято значение 3 153 623 чел. по состоянию на 08.12.2024 // Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/bosnia-and-herzegovina-population/> (accessed: 28.02.2025).

⁸ По данным Boston University's 2020 World Religion Database. URL: <https://www.bu.edu/cura/research-programs/world-religion-database/>. См. Также: Bosnia and Herzegovina 2023 International Religious Freedom Report // The U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-BOSNIA-AND-HERZEGOVINA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 28.02.2025).

⁹ Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pkweb/en/DST/> (accessed: 01.12.2024); Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions // Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation->

сообщили о своём вероисповедании, либо были отнесены к категории «неизвестных». В неё входят лица, информация о которых либо не собиралась, либо была получена из административных источников, а также те, чьи ответы не могут быть однозначно интерпретированы как относящиеся непосредственно к вопросу о религии или родном языке. Например, в Сербии таких респондентов оказалось 355 484 человека; ещё 8 654 – определили себя агностиками, 74 139 – атеистами¹⁰.

Однако все перечисленные выше аспекты являются достаточно типичными нюансами проведения переписей населения и последующей интерпретации их результатов. Гораздо большее значение в контексте Западных Балкан приобретает общий неблагоприятный демографический фон. Эта тенденция описывается в литературе как «резкая депопуляция» [Пророкович 2023: 71] или «демографическая зима». В этом смысле прогнозы демографического развития для всех стран Западных Балкан пессимистичны.

В качестве примера можно привести расчёты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), касающиеся наиболее значимого с точки зрения численности мусуль-

манского населения государства в регионе – Боснии и Герцеговины. Согласно расчётам ВОЗ, к 2050 г. в стране ожидается снижение численности населения на 23% – 2 455 167 в числовом выражении¹¹. В результате подобного демографического спада БиГ перейдёт с нынешнего 136-го на 145-е место в мировом рейтинге стран по численности населения¹². Ранее, в 1960, 1980, 2000 и 2020 годах, БиГ занимала в этом рейтинге соответственно 94-е, 103-е, 120-е и 133-е места¹³. На основании этих данных можно сделать вывод о длительном и неуклонном сокращении численности её населения. Аналогичная ситуация наблюдается в Сербии и Северной Македонии, а также с незначительными отклонениями в Албании, где небольшие колебания численности фиксировались лишь в 1970–1980-х годах.

В этом контексте особое место занимает Черногория, где зафиксированы не просто демографические колебания, а значительный скачок численности населения. В частности, снижение, наблюдавшееся в 2020 году, сменилось резким ростом в 2022 и 2023 годах, что выделило страну среди других государств Юго-Восточной Европы, переживающих демографический кризис, и привлекло внимание европейских СМИ¹⁴. Тем

languages-and (accessed: 27.02.2025); The preliminary data of the Census of Population, Family Economies and Housing in Kosovo are published // Prime Minister Office. 12.07.2024. URL: <https://kryeministri.rks-gov.net/en/blog/the-preliminary-data-of-the-census-of-population-family-economies-and-housing-in-kosovo-are-published/> (accessed: 27.02.2025); Вкупно резидентно население, домаќинства и станови. Попис 2021 // Република Северна Македонија. Државен завод за статистика. 30.03.2022. URL: <https://popis2021.stat.gov.mk/#> (accessed: 23.02.2025); Становништво према вероисповести // Република Србија. Републички завод за статистику. 13.06.2023. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020301?languageCode=sr-Cyrl> (accessed: 02.03.2025); Preliminarni rezultati popisa stanovništva, домаќinstava i stanova u 2023 godini // MONSTAT. 25.01.2024. URL: <https://www.monstat.org/uploads/files/popis%202021/pr.podaci/Preliminarni%20rezultati%20popisa%2025.01.2024.pdf> (accessed: 27.02.2025).

¹⁰ Mother Tongue, Religion and Ethnic Affiliation // Србија Попис 2022. 16.06.2023. URL: <https://popis2022.stat.gov.rs/en-us/5-vestisaopstenja/news-events/20230616-st/?a=0&s=0> (accessed: 28.02.2025).

¹¹ Population, Bosnia and Herzegovina // World Health Organization. 12.12.2024. URL: <https://data.who.int/countries/070> (accessed: 28.02.2025).

¹² Bosnia and Herzegovina Population // Worldometer. 12.12.2024. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/bosnia-and-herzegovina-population/> (accessed: 27.02.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Oasis on the Adriatic where Ukrainians and Russians have gone to escape war // BBC News. 06.10.2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cyvye9l43dgo> (accessed: 23.04.2025); Russian and Ukrainian migrants live happily side-by-side in Montenegro // Euronews. 02.02.2024. URL: <https://www.euronews.com/2024/02/02/russian-and-ukrainian-migrants-live-happily-side-by-side-in-montenegro> (accessed: 23.04.2025).

Таблица 2
Изменение численности населения Черногории (2015, 2020–2024)

Год	Численность населения (чел.)	Годовое изменение (чел.)	Мигранты (чел.)	Место в мировом рейтинге
2024	638 479	4 927	-1 686	169
2023	633 552	18 904	12 000	169
2022	614 648	10 797	26 332	170
2020	607 935	-3 732	-3 310	170
2015	628 145	-789	-4 863	167

Источник: Montenegro Population (Live) // Worldometer. 12.12.2024. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/montenegro-population/> (accessed: 28.02.2025).

Таблица 3
Прогнозы численности населения Западных Балкан к 2050 г.

Страна	Численность населения (чел.)	По отношению к 2024 году (чел.)	По отношению к 2024 году (%)	Место в мировом рейтинге на 2024 г.	Место в мировом рейтинге на 2050 г.
Сербия	5 532 870	-1 203 346	-18%	111	126
Босния и Герцеговина	2 455 167	-709 086	-23%	136	145
Албания	2 240 166	-551 599	-20%	143	149
Косово	1 647 000	-62 000	-3.6%	–	–
Северная Македония	1 512 688	-310 321	-17%	152	155
Черногория	533 295	-105 184	-16%	169	176
Итого	13 921 186	-2 941 536	–	–	–

Источник: сводная таблица на базе данных ООН¹⁶.

не менее маловероятно, что Черногория сможет стать долгосрочным позитивным исключением из общего тренда: и предшествующее падение, и последовавший рост отчётливо обусловлены миграционной динамикой, а именно оттоком населения в пандемию и притоком после начала открытой фазы российско-украинского конфликта (табл. 2).

Аналогичные данные по Косову отсутствуют, однако согласно результатам последней переписи населения зафиксировано

его сокращение на 8,8 % за 13-летний период (2011–2024), сопровождающееся процессом старения населения¹⁵. Не расширяя географические рамки данного исследования, отметим, что кризисные явления в демографии не специфичны для Западных Балкан. Подобные процессы характерны для целого ряда государств, особенно европейских. В завершение представим таблицу возможных значений каждой из западнобалканских стран и территорий к 2050 году (табл. 3).

¹⁵ Kosovo Census Shows Population Decline // Prishtina Insight. 27.05.2024. URL: <https://prishtinainsight.com/kosovos-census-shows-population-decline/> (accessed: 24.02.2025).

¹⁶ United Nations. Demographic and Social Statistics. Population and Vital Statistics reports, (2006–2024). URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/vitstats/index.cshmtl#previous> (accessed: 22.04.2025); United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). World Population Prospects 2024: Data Sources. URL: https://population.un.org/wpp/assets/Files/WPP2024_Data_Sources.pdf (accessed: 22.04.2025); United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2004). World Population to 2300. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/WorldPop2300final.pdf> (accessed: 22.04.2025).

Таблица 4
Динамика численности мусульман в странах Западных Балкан (1990–2030), чел.

Страна	1990 г.	2010 г.	2023 г. ¹⁷	2030 г.
Албания	2 302 000	2 601 000	1 217 362	2 841 000
Босния и Герцеговина	1 843 000	1 564 000	1 608 348	1 503 000
Косово	1 955 000	2 104 000	1 475 593	2 100 000
Северная Македония	441 000	713 000	590 870	812 000
Сербия	412 000	280 000	278 212	377 000
Черногория	94 000	116 000	124 668	136 000
Итого	7 047 000	7 378 000	5 295 053	7 769 000

Источник: *Pew Research Center*¹⁸ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

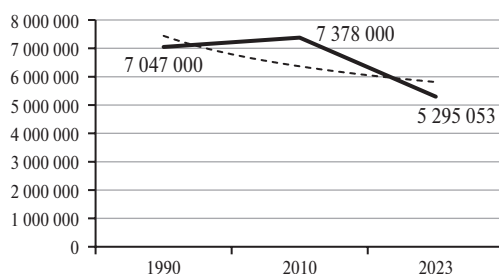
Таким образом, по подсчётам экспертов ООН, к 2050 г. при сохранении текущих трендов всё население Западных Балкан может составить 13 921 186 человек.

Для более детального анализа далее сопоставим показатели численности мусульманских общин по странам стран региона с целью выявления динамики изменений (табл. 4). За основу взяты данные тематических материалов исследовательского центра «Пью» (*Pew Research Center*), а также результаты наиболее актуальных национальных переписей. Четвёртая графа таблицы носит прогностический характер и отражает прогнозы центра, опубликованные в 2011 г. на последующие два десятилетия.

Соотнесение ожиданий и фактического положения дел (третья графа) свидетельствует о чрезмерной оптимистичности прогнозов конца 2010-х годов. Как следствие, в построении индивидуальных и общих кривых динамики численности мусульман в регионе мы их не учитывали.

Ретроспективный график (рис. 1) численности мусульман на Западных Балканах отчётливо демонстрирует нисходящую тенденцию. Между тем сопоставление реальной и прогнозной динамики числен-

Рисунок 1
Численность мусульман в западнобалканском регионе (1990–2023)

Источник: *Pew Research Center*¹⁹ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

ности мусульманского населения региона (рис. 2) выявляет столь значительные расхождения, что возникает закономерный вопрос о надёжности исходных данных, послуживших основой для сделанных ранее прогнозов.

Локальные статистические данные довольно часто и заметно расходятся с теми, что помещаются в основу макропрогнозов. В прогностическом исследовании будущего мировых религий, представленном в 2015 году, выявилось, что рассчитать

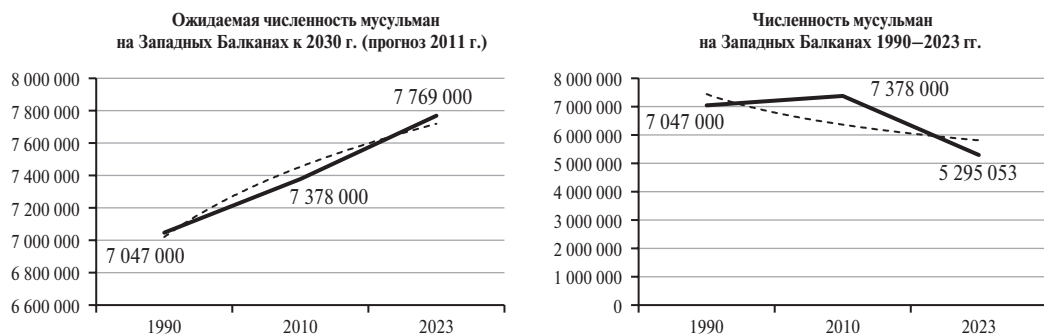
¹⁷ Для удобства изложения и визуализации взят 2023 г. в качестве общего среднего всех недавних переписей.

¹⁸ Muslim Population by Country // *Pew Research Center*. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 28.02.2025).

¹⁹ Muslim Population by Country // *Pew Research Center*. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 21.02.2025).

Рисунок 2

Действительная и ожидаемая численность мусульман в сравнительном срезе

Источник: Pew Research Center²⁰.

Источник: Pew Research Center²¹, национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

средний уровень превышения численности мусульман для каждой страны региона (кроме Косова, не охваченного исследованием) оказалось затруднительным, поскольку приводимые цифры зачастую значительно превышали общую численность населения соответствующих стран²². Например, в тематически близком проекте численность мусульман в Албании на 2020 г. фигурирует значение 2,6 млн²³, тогда как, по данным переписи 2023 года, в ней всего проживает 2,4 млн человек, из которых мусульманами себя определяли лишь 1,2 млн²⁴. Аналогичная ситуация наблюдалась в Сербии (390 тыс. мусульман по прогнозам против фактически зафиксированных 278 тыс.) и Северной Македонии (870 тыс. против фактических 590 тыс., что при общей численности населения в 1,8 млн довольно существенно). Весьма точными оказались прогнозные расчёты для Черно-

гории (130 тыс. мусульман при реальных 124 тыс.) и особенно точными для Боснии и Герцеговины (1,6 млн мусульман), хотя последняя перепись там проводилась ещё в 2013 году.

Случай БиГ выделяется в ряду других балканских государств, поскольку по политическим и культурно-историческим причинам в социалистический период сформировался нерелигиозный этноним «мусульманин». Так себя идентифицировали сербы, предки которых приняли ислам в период вхождения этой территории в состав Османской империи. Однако и сам боснийский ислам периода XV–XIX веков отличался особенностями, выразившимися в уникальном сочетании исламских, христианских и местных патриархальных традиций. Сербский писатель Иво Андрич в своём историческом романе «Мост на Дрине», удостоенном в 1961 г. Нобелевской

²⁰ Muslim Population by Country // Pew Research Center. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 21.02.2025).

²¹ Ibid.

²² The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050 // Pew Research Center. 02.04.2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 25.02.2025).

²³ Religion by country 2024 // World Population Review. 28.12.2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country> (accessed: 25.02.2025).

²⁴ Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pxweb/en/DST/> (accessed: 01.03.2025).

премии по литературе, описывал это следующим образом: «В той великой и причудливой борьбе, которая веками велась в Боснии между двумя различными верами, а вернее, под видом веры за право обладания землёй и властью и за свои исконные понятия о жизни и устройстве мира, противники похищали друг у друга не только женщин, коней и оружие, но также и песни. И стихотворные строчки нередко переходили из рук в руки, как драгоценный трофей»²⁵.

Национальное самоопределение мусульман активно формировалось в социалистический период при поддержке политического руководства СФРЮ. Благодаря специфической структуре федеральной власти и децентрализации, в которой многие принципиальные вопросы были отданы в распоряжение республиканских структур, начиная с 1970-х годов ислам в БиГ, а также в Косове пережил невиданное возрождение. Политически этот феномен объяснялся активизацией Движения неприсоединения и поисками «третьего пути», в рамках которых Белград активно сотрудничал с арабским миром. Показательно, что 1980-е годы были отмечены строительным бумом мечетей на территории всей Боснии и Герцеговины.

Ежегодно высшее исламское образование на Среднем и Ближнем Востоке получали сотни молодых боснийцев, которые возвращались на родину зачастую с радикальными взглядами [Гуськова 2001: 222, 224]. Но самый существенный приток радикально настроенных мусульман на Балканы произошёл в ходе Боснийской войны (1992–1995). Многие из них впоследствии остались в республике и получили гражданство БиГ²⁶.

Такое наслоение и даже смешение идентичностей необходимо принимать во внима-

ние при интерпретации результатов демографических и социологических исследований. Этот фактор ставит под сомнение возможность чёткого разграничения различных типов идентичностей в существующих статистических данных, которые, стоит особо подчеркнуть, являются одними из наиболее неполных среди всех балканских стран. В условиях фактического отсутствия полноценных данных основной методологической проблемой становится корректный подсчёт численности различных групп населения в Боснии и Герцеговине. С технической точки зрения при таких расчётах процентное соотношение групп, зафиксированное в переписи 2013 года, экстраполируется на текущие показатели численности населения. Последние представляются так называемыми демографическими счётчиками, а также международными статистическими агрегаторами, отслеживающими искомые данные в режиме реального времени.

На наш взгляд, неизбежные искажения, возникающие при таком подходе, оказываются менее значительными по сравнению с традиционной методикой, предполагающей сопоставление данных, предоставляемых национальными ведомствами и международными организациями. В качестве примера расхождения статистических оценок можно привести ситуацию с численностью населения Боснии и Герцеговины: в 2023 г. правительство США оценивало её в 3,8 млн человек, Организация Объединённых Наций годом ранее – в 3,2 млн человек, в то время как правительство самой БиГ при проведении исследования рабочей силы в 2018 г. исходило из численности населения в 2,7 млн человек²⁷.

Само разграничение между двумя категориями «мусульман» в БиГ, с одной стороны, приверженцами ислама в религиоз-

²⁵ Андрич И. Мост на Дрине. М.: АСТ, 2023. С. 94.

²⁶ Постројаванье одреда Ел Муџахид у БиХ 1995. — улазница радикалних исламиста у Европу? URL: http://www.glassrpske.com/novosti/vijesti_dana/Postrojavanje-odreda-El-Mudzahid-u-BiH-1995-ulaznica-radikalnim-islamistima-u-Evropu/lat/222334.html (accessed: 26.02.2025).

²⁷ Bosnia and Herzegovina 2023 International Religious Freedom Report // The U.S. Department of State. P. 6. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-BOSNIA-AND-HERZEGOVINA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 27.02.2025).

ном смысле, а с другой – лицами, определившими свою культурно-историческую и даже этническую идентичность, не представляет особых методологических сложностей. Формуляр переписи населения 2013 г. содержал отдельные вопросы о религиозной и этнической самоидентификации граждан²⁸. Более того, назвавших себя «мусульманами» в ответ на вопрос об этнической принадлежности оказалось чуть больше 12 тыс. человек на фоне более 1,7 млн человек, определивших себя «бошняками»²⁹. Заметим также, что «этнические мусульмане» в материалах переписи не одиноки: с ними соседствуют «этнические православные» и «этнические агностики», например.

Как отмечалось выше, данные прогнозов по региону выглядят малореалистичными. Одновременно вызывает сомнения и основной тезис исследователей из центра «Пью», сформулированный в названии проекта «Будущее мировых религий: прогноз роста численности населения на 2010–2050 годы и причины опережающего увеличения численности мусульман при сокращении доли религиозно неаффилированных»³⁰. По меньшей мере, этот прогноз не подтверждается в отношении стран и территорий Западных Балкан. Как видно из графических построений (рис. 3), в большинстве случаев показатели имеют нисходящую динамику, совпадая при этом с общерегиональными тенденциями. В то же время в контексте численности местных мусульманских общин заслуживает особого внимания тот факт, что лишь Северная Македония и Черногория демонстрируют обратную тенденцию и, соответственно, восходящий тренд.

Таким образом, в странах Западных Балкан мусульманские общины претерпели заметное сокращение численности, осо-

бенно выраженное в последнее десятилетие. Точный характер и масштабы этого оттока требуют самостоятельного анализа: естественная убыль, миграции или иные факторы. При этом представляется достоверным, что прозелитизм не играл в данном снижении существенной роли. Если же рассматривать ситуацию в более общем демографическом контексте, становится очевидным, что наряду с исламскими общинами сокращение численности населения затронуло и другие крупные конфессии в регионе, прежде всего христианство.

До конца 2000-х годов сложившаяся тенденция к общему сокращению населения Западных Балкан сопровождалась весьма оптимистичными прогнозами относительно развития именно исламского сегмента как на региональном, так и на мировом уровне. Эти прогнозы основывались на численном и отчасти идеологическом подъёме мировой уммы в тот период. Предполагалось, что обозначенные тренды найдут своё отражение и на Западных Балканах, по крайней мере в новых государствах с мусульманским большинством.

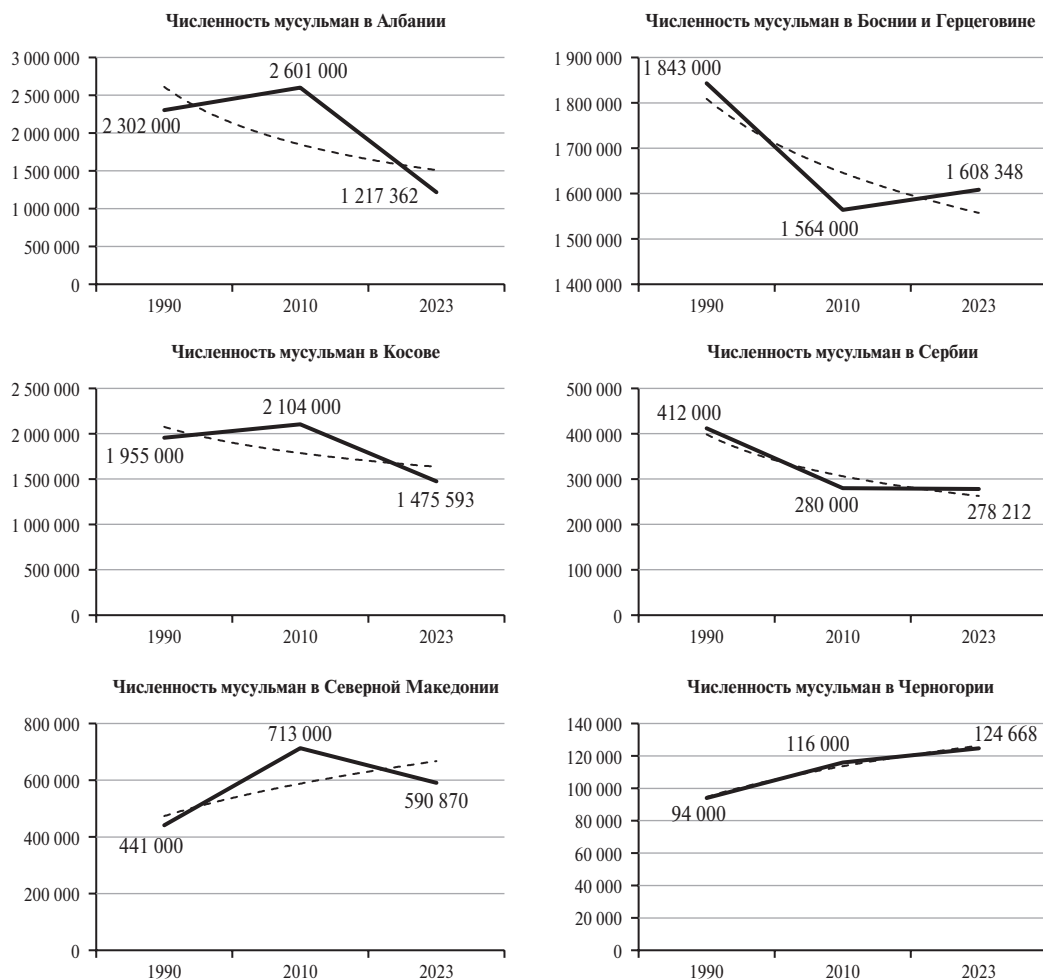
Однако к моменту проведения всеобщих переписей 2021–2024 годов в большинстве этих государств – своеобразных «маяков» исламской периферии – прогнозируемого прироста достичь так и не удалось. В Албании, БиГ и Косове статистические данные ясно указывают на нисходящую динамику. То же самое наблюдается и в Сербии, где поначалу ожидания относительно роста мусульманского населения были более сдержанными. Исключением стали лишь мусульманские общины Северной Македонии и Черногории, продемонстрировавшие небольшой (Черногория) и достаточно устойчивый (Северная Македония) рост.

²⁸ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. Etnička/Nacionalna Pripadnost, Vjeroispovijest i Maternji Jezik. 2013. Sarajevo: BHAS, 2019. P. 14–18. URL: https://www.popis.gov.ba/popis2013/doc/Knjiga2/K2_B_E.pdf (accessed: 26.02.2025).

²⁹ Ibid.

³⁰ The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 // Pew Research Center. 02.04.2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 26.02.2025).

Рисунок 3
Численность мусульман в регионе Западных Балкан (1990–2023)

Источник: Pew Research Center³¹ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

Парадокс «балканской модели»

Мусульманские общины на Балканах традиционно считаются периферией мировой уммы и одновременно одним из её центров в Европе. В религиозном смысле весь европейский ислам занимает, образно говоря, подчинённое положение по отно-

шению к суннитскому ядру на Востоке. Это утверждение в полной мере относится ко всем без исключения мусульманским общинам государств Западных Балкан, а также пока немногочисленным шиитским общинам, которые находятся под влиянием Ирана.

³¹ Muslim Population by Country // Pew Research Center. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 28.02.2025).

Говоря об исламе на Западных Балканах, чаще всего выделяют две ключевые исторические вехи. Первая связана с многовековым османским владычеством, от которого ведётся отсчёт распространения ислама в регионе. Вторая – с Боснийской войной (1992–1995), которую историография традиционно связывает с началом современного исламского возрождения на Балканах. Последний хронологический рубеж сопровождается рядом важных деталей: по мнению многих европейских и балканских исследователей, «до Боснийской войны на Балканах не было ни салафитов, ни ваххабитов»³². В подобной интерпретации именно события в БиГ становятся точкой отсчёта радикализации ислама в регионе.

Эта в целом стройная конструкция, на наш взгляд, требует нескольких уточнений, прежде всего в отношении верхней хронологической границы. *Во-первых*, черновая фиксация на периоде 1992–1995 годов фактически исключает из исследовательского поля всё время существования Югославии, в течение которого местные мусульманские общины также функционировали и развивались определённым образом. *Во-вторых*, 1992 год едва ли можно считать отправной точкой качественно нового этапа. Например, ряд авторов указывают, что «активность Турции на Балканах возросла сразу после окончания Холодной войны» [Свистунова 2020: 62]. При поддержке западных союзников Анкара уже тогда предпринимала значительные самостоятельные действия на западнобалканском направлении, а впоследствии и на всём постсоветском пространстве [Силаев, Сафранчук 2023: 88]. Подобные шаги позволяли отодвигать как бывшего покровителя в лице Москвы, так и продвижения нового – в лице Тегерана.

Следует отметить, что задолго до появления саудовских инициатив именно Иран первым выступил с инициативой помощи

балканским единоверцам в ходе вооружённого противостояния *omnium contra omnes* на территории Боснии и Герцеговины. В 1991 г. председатель Президиума Социалистической республики БиГ Алия Изетбегович посетил Тегеран, где «был принят как мусульманский верующий», и заручился финансовой и политической поддержкой [Пономарёва, Арляпова 2024: 237]. Это был не первый его визит в Тегеран. Еще в 1982 г. А. Изетбегович с соратником передали копию своего известного манифеста «Исламская декларация» именно в иранское посольство в Австрии [Безрученко 2023: 139–140].

С началом Боснийской войны Иран в редком на тот момент партнёрстве с Турцией и Тунисом инициировал экстренную встречу министров иностранных дел государств-членов Организации исламского сотрудничества в Стамбуле, во время которой предложил оказывать военную поддержку боснийским мусульманам. Однако инициатива Тегерана была отклонена большинством под руководством Саудовской Аравии. Лишь спустя полгода, стремясь сохранить «свою высокую исламскую репутацию» [Sheikh 2003: 72], Эр-Рияд поддержал резолюцию, призывающую к отмене международного эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам.

Приведённый пример показывает, что концентрация на усилении влияния Саудовской Аравии и распространении новых для региона исламских течений в ходе Боснийской войны не только является чрезмерным упрощением, но и вряд ли отражает реальную ситуацию вообще. К началу вооружённого конфликта на Западных Балканах уже действовал исламский «треугольник силы», включающий Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Более того, как в 1990-е, так и в 2020-е годы он в точности соответствовал ближневосточному [Арляпова, Пономарёва 2024: 134].

³² Mende C. Is Islamist radicalization returning to the Western Balkans? // Deutsche Welle. 19.07.2024. URL: <https://www.dw.com/en/islamist-tendencies-in-the-western-balkans/a-69712314> (accessed: 25.02.2025). 28 марта 2022 г. Минюст РФ включил издание DW в реестр иноагентов.

С ближневосточным исламом и его ведущими силами на Балканах всё более или менее структурированно и стабильно. Положение западнобалканской уммы в целом (это обобщение условно: речь не идёт о её однородности или монолитности) и национальных мусульманских общин по отдельности в этой структуре периферийное. Главное следствие периферийного статуса общин заключается в проблемном статусе покровительства со стороны исламских держав, чей исторический спор сводится к тому, «кто и каким образом должен выступать в роли покровителя мусульман во всём мире, включая Балканы»³³. Подобная расстановка сил диктует состязательный характер их взаимоотношений между собой и определяет специфику внешнеполитической деятельности в странах региона.

В рамках данной системы координат так называемая балканская модель, по сути, не имеет самостоятельного концептуального статуса и не выступает полноценной моделью. Скорее это лишь одна из множества периферийных региональных вариаций ислама. Однако на общеевропейском уровне её сущность и потенциал просматриваются гораздо отчётливее: не востребованная пока функция «модели» может быть выделена и использована за пределами западнобалканских сообществ.

Соотношение балканского ислама с европейским, приоритетность и место обоих в развитии локальных мусульманских общин и национальных государств-членов ЕС – эти темы поднимаются в основном внутри соответствующих социумов. Для представителей этих сообществ понятия «европейский ислам» и «балканский ислам» далеко не всегда тождественны и вовсе не однородны, вопреки представлениям внешних наблюдателей, вне зависимости от того, смотрят они на ситуацию

с Запада или Востока. Важным объединяющим моментом для столь разных на первый взгляд подходов остаётся лишь один общий аспект: оба на балканский ислам смотрят немного свысока.

Если рассматривать Запад в широком смысле, то речь идёт не только о Соединённых Штатах, где, стремясь осмыслить теракт 11 сентября 2001 года, исследователи прослеживают влияние исламистов на американские мусульманские общины и исламские образовательные учреждения начиная уже с 1960-х годов. По их мнению, «неспособность понять мотивы, лежащие в основе тактики террористов, привела не только к неэффективным стратегиям борьбы с ними, но и к распространению исламистских боевиков и групп их сторонников» [Heffelfinger 2011: 124]. Прежде всего в данном контексте следует принимать во внимание саму Европу, где на фоне миграции миллионов человек – значительную часть которых составляют выходцы из стран с широким распространением радикальных исламских течений – положение ранее однозначно «автохтонного» для Европы балканского ислама неожиданно приобрело двоякий характер.

Согласно имеющимся данным, в 2020 г. в Европе насчитывалось 87 млн мигрантов, из которых 40 млн являлись выходцами из государств вне европейского региона. После кратковременного изменения тренда в 2022 году, обусловленного вооружённым конфликтом между Россией и Украиной, а также притоком беженцев из зоны боевых действий, в 2023 г. среди соискателей убежища в Евросоюзе вновь лидировали (в порядке убывания) уроженцы Сирии, Афганистана, Турции, Венесуэлы, Колумбии, Бангладеш, Пакистана, Марокко, Египта, Перу и Ирака³⁴. Всего в 2023 г. из 448,8 млн жителей Европы 42,4 млн (9%)

³³ *Bechev D., Öztürk A. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia and Iran in the Balkans // The Middle East Institute (MEI). 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (accessed: 03.03.2025).*

³⁴ *Top 15 nationalities of first time asylum applicants (2023) // Eurostat Migration and Asylum Database. 16.12.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/migration-asylum/asylum/database> (accessed: 26.02.2025).*

человек были рождены за её пределами, а 27,3 млн (6%) не являлись гражданами государств-членов ЕС³⁵. Нужно иметь в виду тот факт, что многие задолго до этого времени стали полноправными гражданами Евросоюза, у многих родились дети, получившие гражданство стран-реципиентов. В результате миграционных процессов новые граждане исламского вероисповедания автоматически получили статус «европейских мусульман». Одновременно возник вопрос об актуальном статусе ислама на Западных Балканах: представляет ли он теперь «европейский ислам»? И если более «балканский ислам нельзя безоговорочно определить как “европейский ислам”, то какова роль балканских мусульман в (пере)определении ислама в ЕС?» [Bougarel 2010: 29].

Следует отметить, что именно в такой конъюнктуре – в период рассмотрения кандидатур ряда западнобалканских стран на вступление в Европейский союз – особое внимание привлёк вопрос, адресованный Европейской комиссии одним из весьма одиозных депутатов от Италии³⁶. Текст вопроса, по счастью, предваряет признание, что «ислам присутствует на Балканах с конца позднего Средневековья и, таким образом, является частью геополитической конфигурации региона»³⁷. Однако всё дальнейшее содержание депутатского запроса говорит как раз об увеличивающемся разрыве между балканским исламом и ЕС. Достаточно привести некоторые выдержки из документа: говорится о «ваххабизации» целых сельских общин, о росте насилия в отношении христиан, о расши-

ряющейся принадлежности к исламским террористическим группировкам и планировании вооружённых нападений на церкви – «всё это свидетельствует о тенденциях, которые переориентируют весь регион южных Балкан в сторону Саудовской Аравии ...и Турции»³⁸.

Несмотря на определённую фактологическую обоснованность описания масштабов радикализации в ряде балканских районов, уже в 2010-х годах она не была исключительно балканским явлением и приобрела широкий размах в Евросоюзе. На этом фоне несколько странно прозвучал вопрос: «Считает ли Комиссия, что массовое вступление радикальной мусульманской территории является поводом для беспокойства в отношении безопасности и стабильности Европейского Союза?»³⁹. Вместе с тем важно подчеркнуть, что не только ислам и мусульмане, но и балканские государства в целом вынуждены постоянно доказывать свою принадлежность Европе, что привело к «утверждению идеологии радикального центризма: гарантии устойчивого консенсуса вокруг евроинтеграции» [Малешевич 2023: 158].

Парадокс «балканской модели» состоит, в частности, в этом удивительном и по историческим меркам почти внезапном отчуждении, вызванном внешними факторами, например миграцией в ЕС. Несмотря на все национальные и даже локальные особенности, ислам на Западных Балканах обладает рядом характерных черт, которые принципиально отличают его от современного западноевропейского извода. Наиболее значимым отличием представляется

³⁵ Statistics on migration to Europe // European Commission. 05.11.2024. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-of-life/statistics-migration-europe_en (дата обращения: 27.02.2025).

³⁶ Речь о Маре Биззотто, инициировавшей, по подсчётам VoteWatch.eu, в общей сложности 680 запросов в Еврокомиссию за 2009–2014 годы. См.: Full of Questions // Politico. 14.03.2012. URL: <https://www.politico.eu/article/full-of-questions/> (accessed: 26.12.2024).

³⁷ Growth and radicalization of the Muslim community in the Balkans. Question for written answer to the Commission. Rule 117. Mara Bizzotto // European Parliament. 14.07.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2011-007250_EN.html (accessed: 23.02.2025).

³⁸ Growth and radicalization of the Muslim community in the Balkans. Question for written answer to the Commission. Rule 117. Mara Bizzotto // European Parliament. 14.07.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2011-007250_EN.html (accessed: 28.02.2025).

³⁹ Ibid.

следование светской модели государства. Во всех странах Западных Балкан с мусульманским большинством – это общественный консенсус. Также устройство жизни балканских религиозных общин не совпадает с западноевропейскими: там мусульманские общины, как правило, проживают в иной конфессиональной среде в статусе меньшинств. На Балканах же ситуация прямо противоположна: многие из них оформились в новые государства, пусть и не на религиозной основе, но став относительно или абсолютным религиозным большинством (Босния и Герцеговина, Албания – более 50%, Косово – более 90%).

Наконец, все западнобалканские мусульмане, как и последователи других конфессий в регионе, имеют ещё не забытый ныне живущими поколениями уникальный опыт масштабной и глубокой секуляризации. Именно этот опыт служит важным фактором их взаимного сближения и одновременно отдаляет от единомышленников, прибывающих с Ближнего Востока, где религия практически не ограничивалась сугубо частной сферой. На Западных Балканах велика численность так называемых социологических мусульман, чья религиозная идентификация определяется преимущественно происхождением или семейными традициями, а не регулярным участием в религиозной практике [Pantić 1991: 255]. В целом уровень религиозности в регионе, в том числе среди христианских общин, заметно выше общеевропейского⁴⁰. Тем не менее имеются основания полагать, что результат мог быть иным при проведении более детальных исследований, ориентированных на соответствующие мусульманские сообщества. Нельзя не упомянуть об одной из причин различий в институционализации религиозной жизни между мусульманскими общинами Балкан и Западной Европы: ислам как учение одно-

роден на Балканах, в то время как в Европе, ввиду многообразия происхождения мигрантов, остаётся чрезвычайно эклектичным.

Следует отметить, что балканские мусульмане, переезжающие в страны Запада, преимущественно объединяются по этнонациональному, а не религиозному принципу; также они не интегрируются в иноэтнические по составу мусульманские сообщества. Следствием такой обособленности выступает весьма ограниченная роль балканских мусульманских диаспор в организации и работе исламских представительных органов в государствах Западной Европы. Исключением является Люксембург, где бошняки составляют большинство местной мусульманской общины [Bougarel 2010: 28].

Обособленность в общем западноевропейском исламском ландшафте не привязана строго к численности балканских мусульман в эмиграции и даже сохраняется при её росте: увеличивается только число мечетей, в первую очередь бошняцких и албанских, и формируются религиозные структуры на этнонациональной основе. Например, в Германии в 1990-е годы был создан Союз исламских приходов бошняков, а в 2007 г. был назначен бошняцкий муфтий для ФРГ. Однако их деятельность ограничивается кругом интересов самой локальной общины и практически не выходит за её рамки.

Несмотря на ощутимую дистанцию с общеевропейскими мусульманскими общинами, лидеры западнобалканских мусульман пытаются участвовать в актуальной общеевропейской исламской повестке дня. Пока эти примеры единичны, результат такого взаимодействия не представляется сколь-либо значимым. Как метко было подмечено, «Юсуф аль-Кардави⁴¹ гораздо чаще переводится в исламской

⁴⁰ Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues // Pew Research Center. 29.10.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/> (accessed: 28.02.2025).

⁴¹ Юсуф аль-Кардави (1926–2022) – исламский богослов, возглавлял Международный союз мусульманских учёных.

религиозной прессе Боснии и Герцеговины (и других стран Юго-Восточной Европы), чем Мустафа Церич⁴² в Западной Европе» [Bougarel 2010: 30].

Выводы

Как периферия исламского мира Западные Балканы подверглись серьёзной трансформации главным образом с точки зрения численности населения и демографических процессов в среде местных мусульманских общин. Для большинства государств региона характерен устойчивый нисходящий тренд. Исключение составляют Северная Македония и Черногория — государства немусульманского большинства. Оптимистичные прогнозы роста численности мусульман не оправдались, снижение значений наблюдается синхронно с общим демографическим снижением в регионе.

Вместе с объективными изменениями в численности общин балканский ислам переживает кризис позиционирования в рамках ЕС и т.н. европейского ислама. Не представляя значимого интереса для ближневосточных мусульман и их опыта орга-

низационно-правовой самоорганизации, балканский ислам мог бы претендовать на статус «своего» явления в рамках европейского пространства. Тем не менее процессы внутри Евросоюза, в особенности миграционные, повлекли за собой растворение «автохтонных» ранее мусульман Западных Балкан среди иммигрировавших в Западную Европу и получивших гражданство в государствах—членах Европейского союза.

Наряду с мировой и европейской уммой, балканские общины подверглись серьёзному влиянию деструктивных процессов, в частности радикализации. Несмотря на общую природу данной проблемы, она лишь усугубила разрыв между исламской традицией в государствах—членах ЕС и западнобалканским исламом. В то же время необходимость преодоления кризисных явлений в Европе может способствовать не просто сближению, но и практическому изучению, а возможно, и применению обширного исторического наследия балканских мусульман в организации жизни в многонациональной и многоконфессиональной среде.

Список литературы

- Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. Ближневосточная «экспансия» на Балканы // Современная Европа. 2024. № 5. С. 126–136. DOI: 10.31857/S0201708324050103
- Безрученко В.И. «Отец бошнякской нации»: личность и политика президента Боснии и Герцеговины Али Исетбеговича // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 133–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07
- Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
- Малешевич А.В. Динамика проевропейского консенсуса на постъюгославском пространстве // Международные процессы. 2023. Т. 21. №3. С. 143–160. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.8>
- Пономарёва Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: Игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. 320 с.
- Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии // Обозреватель-Observer. 2021. №10 (381). С. 54–66. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_10_54
- Прокопич Д. Депопуляция Балкан: как опустошается периферия ЕС // Современная Европа. 2023. № 6. С. 71–80. DOI: 10.31857/S0201708323060074
- Свиштунова И. Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. № 4. С. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171>
- Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. № 21(3). С. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.6>

⁴² Мустафа Церич (1952 г.р.) — бывший Верховный муфтий БиГ, автор «Декларации европейских мусульман».

- Факты о Югославии / Под ред. М. Шпилевича. Белград: Югославская ревиа, 1985. 136 с.
- Энтина Е.Г., Синопальников Н.С. Фактор арабо-мусульманского мира в развитии стран бывшей Югославии и Албании // Современная Европа. 2020. № 2. С. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>
- Bougarel X. Balkan Islam as 'European Islam': Historical Background and Present Challenges // Islam und Muslime in (Südost) Europa im Kontext von Transformation und EU-Erweiterung / ed. by C. Voss, J. Telbizova-Sack. München: Otto Sagner, 2010. P. 15–31.
- Heffelfinger C. Radical Islam in America. Salafism's Journey from Arabia to the West. Dulles: Potomac Books, 2011. 182 p.
- Koppa M.E. Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? // Journal of Contemporary European Studies. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Pantić D. Religioznost građana Jugoslavije // Jugoslavija na kriznoj prekretnici / L. Bačević. Beograd: Institut društvenih nauka, 1991. S. 241–257.
- Sheikh N.S. The New Politics of Islam. Pan-Islamic Foreign Policy in a World of States. London; New York: Routledge Curzon, 2003. 220 p.

MUSLIMS IN THE WESTERN BALKANS

FROM NUMBERS TO MEANINGS

ELENA PONOMAREVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

ELENA ARLYAPOVA

Institute of System–Strategic Analysis (ISSA), Moscow, 111398, Russia

Abstract

The article is devoted to demographic changes in Muslim communities in the Western Balkans. The study is based on the most recent population censuses (2021–2024) conducted in all countries and territories of the region, except Bosnia and Herzegovina. According to updated data, Muslims make up one-third of the total population in the area. At the same time, the number of local Muslim communities has been steadily declining. Only North Macedonia and Montenegro have demonstrated an upward trend in the number of Muslims. The decline in the Muslim population is occurring against the backdrop of general depopulation across the Balkans. The most significant loss of the Muslim population has taken place over the past decade. Interim results suggest that existing projections of the Muslim population in the region by 2050 should be reconsidered, considering the potential social, economic, cultural, and political consequences. At present, earlier forecasts appear overly optimistic. In parallel with this process, there has also been a decrease in the size of other major religious communities in the region, particularly Christian ones. In addition to demographic trends, the study focuses on the issue of the contemporary (self-)positioning of Balkan Islam within a broader European context. The analysis clarifies the boundaries of the Islamic "renaissance" in the Western Balkans. The uncertain current status of Balkan Islam, previously considered "autochthonous" to Europe, is largely driven by changes in Europe's socio-demographic structure over the past decade, particularly as a result of migration and the subsequent integration of large numbers of Muslims from the Middle East. In light of this transformation, the study identifies the distinctive features of Balkan Islam compared to other forms of European Islam: a clear commitment to the idea of a secular state – supported by a broad social consensus across all Balkan societies; the structure of local religious communities (many of which have become relative or absolute religious majorities in their respective states); a still-living generational memory of large-scale and profound secularization; and a relatively high

proportion of “sociological Muslims”—those who identify as Muslim by personal or family origin, rather than through regular religious practice.

Keywords:

Islam in the Western Balkans; Muslims in the Balkans; Muslim population; European Islam; euro-Islam; depopulation; demographics

References

- Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. (2024). Blizhnovostochnaya «ekspansiya» na Balkany [Middle East 'Expansion' into the Balkans]. *Contemporary Europe*. No. 5. P. 125–136. DOI: 10.31857/S0201708324050103
- Bezruchenko V.I. (2023). «Otec boshnyakskoy natsii»: lichnost' i politika prezidenta Bosnii i Gertsegoviny Alii Izetbegovicha [“The father of the Bosniak Nation”: Personality and Politics of the President of Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović]. *Slavic Almanac*. No. 3–4. P. 133–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07
- Bougarel X. (2010). Balkan Islam as 'European Islam': Historical Background and Present Challenges. In: C. Voss, J. Telbizova-Sack (Hgs). *Islam und Muslime in (Südost)Europa im Kontext von Transformation und EU-Erweiterung*. München: Otto Sagner. P. 15–31.
- Entina E.G., Sinopalnikov N.S. (2020) Faktor arabo-musul'manskogo mira v razvitii stran byvshej Yugoslavii i Albanii [The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania], *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*, 2, P. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>
- Fakty o Yugoslavii / pod red. M. Shpilevicha. (1985). [Facts about Yugoslavia]. Belgrade: Yugoslav Revia. 136 p.
- Gus'kova E.Y. (2001). *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [The History of the Yugoslav crisis (1990–2000)]. Moscow: Russian Law. 720 s.
- Heffelfinger C. (2011). *Radical Islam in America. Salafism's Journey from Arabia to the West*. Dulles: Potomac Books. 182 p.
- Koppa M.E. (2021). Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Maleshevich A.V. (2023). Dinamika proevropeyskogo konsensusa na post'yugoslavskom prostranstve [The Pro-EU party consensus dynamics in the Post-Yugoslav space]. *International Trends*. Vol. 21. No. 3. P. 143–160. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.8>
- Pantić D. (1991). Religioznost građana Jugoslavije. In: L. Bačević (ed.) *Jugoslavija na kriznoj prekretnici*. Beograd: Institut društvenih nauka. P. 241–257.
- Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. (2024). *Zapadnye Balkany v preddverii i hode tekushchego krizisa: ilgroki i figury* [The Western Balkans on the eve and during the current crisis: players and figures]. Moscow: Prospekt. 320 p.
- Popad'eva T.I. (2021) Religioznyy faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti v Severnoy Makedonii [The religious factor in the formation of civic identity in North Macedonia]. *Observer*. No. 10 (381). P. 54–66. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_10_54
- Proroković D.N. (2023). Depopulyaciya Balkan: kak opustoshaetsya periferiya ES [Depopulation of the Balkans: How the EU Periphery is Hollowing Out]. *Contemporary Europe*. No. 6. P. 71–80. DOI: 10.31857/S0201708323060074
- Sheikh N.S. (2003). *The New Politics of Islam. Pan-Islamic Foreign Policy in a World of States*. London; New York: Routledge Curzon. 220 p.
- Silaev N., Safranchuk I. (2023). Simbioz i sopernichestvo: dinamika rossiysko-tureckikh otnosheniy v perspektive teorii mezhdunarodnogo statusa [Symbiosis and Rivalry: The Russian-Turkish Relations from the Perspective of the International Status Theory]. *International Trends*. Vol. 21. No. 3. P. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.6>
- Svistunova I. (2020). Balkanskaya politika Turtsii: rol' etno-konfessional'nykh men'shinstv [Turkey's Policy in the Balkans: The Role of Ethnic and Religious Minorities]. *Contemporary Europe*. No. 4. P. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171>